

ОТЗЫВ ОФИЦИАЛЬНОГО ОППОНЕНТА

о диссертации Ушанова Павла Витальевича «Коммуникационные стратегии современной российской власти: бинарность и конвергентность структурных элементов» (Воронеж, 2016 г.), представленной на соискание ученой степени доктора филологических наук по специальности 10.01.10 – журналистика (филологические науки)

Диссертация Ушанова Павла Витальевича «Коммуникационные стратегии современной российской власти: бинарность и конвергентность структурных элементов» (Воронеж, 2016 г.) посвящена исследованию многоаспектной проблемы информационно-технологического обеспечения и коммуникационно-стратегического осмысления идеологических процессов в современной России. **Актуальность** рецензируемой диссертации определяется давно назревшей необходимостью системной разработки и интерпретации идеологических принципов и стратегических процессов в массовой коммуникации в сопоставительном ключе в разных культурно-исторических и социально-экономических условиях.

Научная новизна и достоверность научных положений, выводов и рекомендаций, содержащихся в диссертации Ушанова Павла Витальевича, заключается в системном подходе к коммуникационному анализу современной медиасферы в диахроническом и синхроническом ракурсах. Новым является выделение содержательно-смысловых и формализованных характеристик коммуникационных процессов в диахронии и синхронии на обширном корпусе медиаматериалов.

Теоретическая значимость и степень обоснованности научных положений, выводов и рекомендаций, содержащихся в диссертации Ушанова Павла Витальевича, обусловлены тем, что в рецензируемой работе проанализирован комплекс идеологически обусловленных коммуникативных и технологических взаимосвязей и взаимозависимостей, реконструируемых исследователем с учетом широкого спектра современных и исторических факторов массовой коммуникации. Для целей исследования автор опирается на принцип историзма - при анализе социально-экономических процессов, принцип детерминизма – при анализе функционирования субъектов информационно-коммуникационной деятельности. Автор использует методы эмпирического исследования – наблюдение, экспертный опрос, контент-анализ – для всестороннего исследования интересующих процессов. Комплексный методологический аппарат исследования обеспечивает **репрезентативность эмпирического материала**, который составили текстовые данные, распределенные по нескольким категориям: тексты правовых актов СССР, РСФСР и Российской Федерации, документы Совета Министров СССР, ЦК КПСС, другие официальные материалы, связанные с исследуемой темой; материалы сайтов Президента РФ и Правительства РФ, его министерств; материалы сайтов политических партий РФ; публикации в советской и российской периодике; аудио- и видеоматериалы программ российского радио и телевидения; публикации в специализированных

научных изданиях; результаты социологических опросов Фонда «Общественное мнение», Всероссийского центра изучения общественного мнения (ВЦИОМ), Аналитического центра Юрия Левады; художественные произведения литературы и кинематографа; тексты официальных выступлений политических лидеров, государственных деятелей СССР, России, мемуарная литература, а также стенограммы научных конференций, семинаров.

Практическая ценность рецензируемой диссертации Ушанова Павла Витальевича заключается в том, что результаты исследования могут быть использованы как в учебном процессе в вузе в целом ряде дисциплин журналистской и политологической направленности, так и в практике мониторинга и осмысления актуальной информационной повестки, в том числе для повышения квалификации журналистов, политологов, социологов и PR-специалистов.

Композиционно диссертация Ушанова Павла Витальевича носит **завершенный характер**, состоит из четырех глав. Такая последовательность в полной мере отражает логику исследования и позволяет полностью раскрыть объем и содержание научных положений, обосновать выводы и рекомендации, сделанные исследователем.

Во введении содержится обзор основного корпуса подходов к изучению политических процессов и политических технологий, особое внимание уделяется ретроспективе зарождения и формирования идеологии либерализма в России, журналистике и литературе как социальным институтам и формам социальной коммуникации. Следует отметить умение соискателя грамотно обобщать научные сведения и синтезировать свое собственное на основе выполненного обобщения. Введение в полной мере отвечает требованиям, предъявляемым к данному разделу диссертации. В этом разделе рецензируемой диссертации сформулированы объект и предмет, гипотеза, цель и задачи исследования, его новизна, теоретическая значимость и другие ключевые для академической квалификации исследования параметры. Нельзя не отметить, что все положения введения нашли свою практическую реализацию в основной части работы и в системе выводов.

В первой главе - **«Коммуникационная стратегия и политические технологии периода перестройки»** - рассматриваются исторические, национальные и структурные аспекты эволюции российского либерализма (параграф 1), затем автор переходит к обоснованию «бинарности» как характеристики структурных элементов массовой коммуникации периода перестройки (параграф 2) и заканчивает главу анализом политического успеха либерализма в условиях конвергенции политического, медийного и художественного процессов в СССР в 1985 – 1991 годах (параграф 3).

Во второй главе - **«Информационная война» как коммуникационная стратегия власти «России Ельцина»** - автор последовательно анализирует проблемный характер формирования коммуникационной стратегии в условиях идеологического и политического раскола российского общества (параграф 1), раскрывает специфику

управления коммуникациями в рамках информационной войны (параграф 2), анализирует идеологемы консерватизма на рубеже 90-х – 2000-х годов (параграф 3).

Глава третья – **«Роль массовой культуры в формировании каркаса коммуникационной стратегии власти «России Путина»** - посвящена анализу политических технологий в пространстве медиаполитической системы России (параграф 1) и обоснованию эстетизации политики в условиях смены политических эпох в России (параграф 2).

Главу четвертую - **«Обеспечение высокого рейтинга как коммуникационная сверхзадача власти «России Путина»** - автор начинает с осмысления поиска центрального элемента новой стратегии - «сильного консервативного характера» (параграф 1), затем переходит к очерку медиаполитической истории «России Путина» (параграф 2), раскрывает сущность коммуникационной стратегии «без идеологии» (параграф 3), актуальных процессов художественного переосмысления «России Путина» (параграф 4) и заканчивает анализом технологий доминирования власти в информационном поле страны на фоне возрастания политических и коммуникационных рисков (параграф 5).

В заключении выстроена логически последовательная система выводов, полностью согласующихся с общим содержанием работы.

Высокий теоретический уровень исследования, значительная степень обоснованности научных положений, рекомендаций и выводов, выверенная методология и логика исследования, репрезентативность эмпирического материала тем не менее не исключают некоторых замечаний общего и частного характера, носящих, на наш взгляд, дискуссионный характер.

Во-первых, признавая в целом стройный и непротиворечивый понятийный аппарат, разработанный диссертантом и включающий такие понятия, как коммуникационная стратегия, политическая технология, информационная политика, коммуникационный менеджмент, считаем необходимым отметить отдельные, на наш взгляд, методологические недочеты.

В отношении термина «коммуникационная бинарность» нам представляется более корректным использовать понятие «бинаризм», которое встречается по одному разу в тексте диссертации (с. 70) и автореферата (с. 18), поскольку в объем его значения входит представление о концептуализации и методологии анализа двойственного характера информационного потока, тогда как понятие «бинарность», во-первых, грамматически и по смыслу регулярно требует обязательного дополнения и уточнения (бинарность чего?), в противном случае выглядит неполным и неточным. Во-вторых, бинарные оппозиции, как это повелось в рамках структуралистской традиции, применяются к анализу однородного (гомогенного) корпуса эмпирического материала, а в рецензируемой диссертации используются для анализа гетерогенных (как нам показало при чтении отдельных формулировок) явлений: журналистские материалы (журналистский контент), с одной стороны, и объекты художественной

культуры (художественный контент) – с другой (с.70 в тексте диссертации, сс. 5, 11 и 18 в тексте автореферата). Без решения вопроса о природе (гомоили гетерогенности) журналистского и художественного контента (материалов) нам представляется невозможным избежать методологического казуса их конвергенции. Поскольку процессы конвергенции и дивергенции возможны, на наш взгляд, только в однородном (гомогенном) корпусе, следовательно, журналистский и художественный контенты (материалы) следует, по-видимому, признать однородными. Этот вопрос требует осмысления и определения авторской позиции, хотя бы на примере современной блогосферы, которую некоторые исследователи (например, Е. А. Ермолин, Л. А. Гаврилова) относят, действительно, к художественной сфере.

В парадигме субъект-объектных отношений авторское определение трансформации на с. 4 в тексте автореферата и с. 6 в тексте диссертации нам представляется парадоксально безобъектным, условно-самодостаточным и не требующим комплемента (трансформация чего?): «В соответствии с системной методологией трансформация рассматривается как комплекс процессов, каждый из которых, при общем векторе движения, обладает индивидуальными, присущими только ему характеристиками». И наоборот, коммуникационные стратегии и политические технологии представлены, как нам видится, вне субъекта, поскольку словосочетание «российская власть», по-видимому, скорее образное, нежели терминологическое наименование системы властных структур, каждая из которых требует, на наш взгляд, отдельного рассмотрения с точки зрения ее роли в актуальных информационных и коммуникационных процессах. Нам представляется методологически целесообразным терминологически и понятийно осмыслить используемые автором наименования «актор» и «субъект», поскольку из контекста не понятен объем их значений. Интересно было бы ответить на вопрос: совпадают ли, например, объемы понятий «субъект политической коммуникации» и «актор коммуникационного процесса»? Является ли власть субъектом одновременно информационной политики, коммуникационных стратегий и коммуникационного менеджмента или в этих процессах присутствуют акторы другого статуса?

Не до конца продуманными нам представляются и отношения между элементами терминологической системы: политические технологии – коммуникационные стратегии и, по-видимому, относящихся к этому же семантическому полю понятия «идеология», «идеологема», «информационная политика» и «коммуникационный менеджмент». Как соотносятся объемы этих понятий, с точки зрения автора исследования? Так, из анализа формулировки предмета исследования становится понятно, что политические технологии автор рассматривает как инструменты реализации коммуникационной стратегии: «Предметом исследования стали политические технологии российской власти, которые она использовала для реализации своих коммуникационных стратегий в конкретные временные периоды». Коммуникационная стратегия, как становится понятно из

контекста, обусловлена идеологической доктриной: «Внедрение в общественное сознание элементов либеральной доктрины являлось сложнейшей коммуникационной задачей, успешное выполнение которой могла обеспечить только грамотная коммуникационная стратегия» (с. 10, текст автореферата). При формулировании цели соискатель упоминает коммуникационные стратегии современной российской власти (во множественном числе), что закономерно вызывает вопрос: сколько таких стратегий автором выявлено и охватывают ли выявленные коммуникационные стратегии весь потенциал и феноменологию коммуникационного обеспечения современной идеологии? Например, при формулировании задачи 4 и далее в тексте диссертации и автореферата гласность определяется автором как одновременно коммуникационная стратегия и политическая технология, но тогда либо коммуникационная стратегия и политическая технология одно и то же, либо автор рассматривает разные проявления гласности. Далее в задачах автор упоминает информационную войну в качестве коммуникационной стратегии, «коммуникационную сущность политических технологий», «коммуникационные продукты эволюции цифровых технологий» и относит их (эти коммуникационные продукты) к ядру новых политических технологий. Такое обилие терминов с ключевым компонентом «коммуникационный» требуют, на наш взгляд, понятийного рассмотрения и отдельных дефиниций, которые отсутствуют в тексте рецензируемой диссертации и автореферата, отчего возникает ощущение «эссеистичности» рассуждений автора. Упоминание ядра вызывает ассоциацию с полевой организацией политических технологий. Если автор определил ядро новых политических технологий, тогда что он относит к их центру и периферии? В положении 11 на с. 16 в тексте автореферата автор пишет: «Усиление роли государства в коммуникационном процессе привело к прекращению функционирования коммуникационной бинарности как технологии». Имеет ли автор в виду, что «коммуникационная бинарность» понимается им как политическая технология или технология другого рода? Если это политическая технология, тогда в состав какой коммуникационной стратегии она входит и какой идеологии «служит»?

Во-вторых, требует уточнения, на наш взгляд, особенно в контексте столь масштабного исследования, принцип отбора источников эмпирического материала как на уровне категорий, так и в списке библиографии. Как формировался список мемуарной и публицистической литературы? Почему отобраны именно указанные в списке литературы авторы и отвергнуты иные? На каком основании автор считает возможным соположить мемуарные и публицистические произведения общественных и политических деятелей, относящихся не только к разным историческим эпохам, но и к разным идеологическим направлениям? Почему, например, есть публикации М. Б. Ходорковского, но нет публикаций В. В. Путина или Д. А. Медведева, хотя в предмете исследования заявлены коммуникационные стратегии власти?

В-третьих, в тексте диссертации имеются незначительные нарушения в оформлении. Так, оформленные в виде таблиц, диаграмм и структурных схем данные представлены без сквозной нумерации и наименования (СС. 105-122, 273, 290, текст диссертации). Отдельные наименования содержат орфографическую небрежность: «обеспеченье» (в названии главы 4), «аксеологический» (сс. 97, 202, текст диссертации), «Чечерин» (с. 6, текст автореферата).

В целом приходится признать, что эмпирический материал исследования и методологическая база диссертации Ушанова Павла Витальевича «Коммуникационные стратегии современной российской власти: бинарность и конвергентность структурных элементов» (Воронеж, 2016 г.) свидетельствуют о верифицируемости и высокой научной достоверности результатов исследования.

Личный вклад соискателя в разработку актуальной научной проблемы проявляется в относительной систематизации методологической основы исследования, обработке обширного эмпирического материала, структурировании и схематизации информационно-коммуникационных процессов в условиях смены идеологий в разных культурно-исторических условиях.

Содержание диссертации Ушанова Павла Витальевича «Коммуникационные стратегии современной российской власти: бинарность и конвергентность структурных элементов» (Воронеж, 2016 г.) соответствует паспорту номенклатурной специальности 10.01.10 – журналистика (филологические науки) и требованиям пп. 9-14 «Положения о присуждении ученых степеней», утвержденного Постановлением Правительства РФ № 842 от 24.09.2013, в полной мере отражено в автореферате и 53 публикациях по теме исследования, в том числе 15 публикациях в научных журналах, рекомендованных ВАК при Минобрнауки России, 3 монографических исследованиях, 5 учебных пособиях.

Ушанов Павел Витальевич заслуживает присуждения ученой степени доктора филологических наук по специальности 10.01.10 – журналистика (филологические науки).

Официальный оппонент – Степанов Валентин Николаевич, доктор филологических наук, профессор, проректор по управлению знаниями, заведующий кафедрой массовых коммуникаций Образовательной организации высшего образования (частное учреждение) «Международная академия бизнеса и новых технологий (МУБиНТ)».

Почтовый адрес: Международная академия бизнеса и новых технологий (МУБиНТ), 150003, г. Ярославль, ул. Советская, д. 80, каб. 316;

Телефон: +7 (4852) 73-90-97;

E-mail: stepanov@mubint.ru

09.04.2016 г.

Подпись руки Степанова В.Н. заверяю.

Нач.ОК Академии МУБиНТ

09.04.2016 г.

Снурницына М.А.